

18+

Завернувшись
в тёплый плед
Весна

The background is a deep, textured blue. It features several white dandelion seed heads (puffs) and their stems. One stem with a seed head is prominent, extending from the upper right towards the center. Another seed head is at the top, and a third is at the bottom. The overall aesthetic is soft and evocative of a warm blanket.

**Мария Фрейя
Александра Фёдорова
Яна Кучеренко
Дарья Гайдай
Ксения Кеббра
Екатерина Трунова
Алия Латыпова
Анастасия Рогаль
Завернувшись
в тёплый плед. Весна**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64204033

ISBN 9785005337931

Аннотация

Помните, в детстве мы с подружками собирались у кого-то дома с ночевкой. Перед сном пили какао, смотрели любимые фильмы и заплетали друг другу косички. А потом выключали свет и, завернувшись в тёплый плед, рассказывали друг другу, о чем мечтали, кого любили и как прекрасен этот мир. Наш сборник историй – тот самый разговор с подружками. В этой книге мы собрали тёплые, иногда грустные, но очень добрые

рассказы, которые поднимут настроение каждому читателю. Здесь: вдохновение, пробуждение, весна! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Дарья Гайдай	6
Про моду	6
Две души	8
Отражение весны	10
Я все могу	13
Ксения Кеббrà (@ladyksenya_films)	14
Держи меня в своих руках (мужу)	14
Ненавистный февраль	16
С ароматом сирени	19
Мечта длиной в 30 лет	25
Яна Кучеренко	29
И больше ничего	29
Перепись весны	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Завернувшись в тёплый плед. Весна

Иллюстратор: Евгения Болдырева @evgeniya.boldyreva

Авторы: Кеббра Ксения, Кучеренко Яна, Латыйпова Алия, Рогаль Анастасия, Трунова Екатерина, Фёдорова Александра, Фрейя Мария, Гайдай Дарья

Иллюстратор Евгения Болдырева @evgeniya.boldyreva

© Ксения Кеббра, 2021

© Яна Кучеренко, 2021

© Алия Латыйпова, 2021

© Анастасия Рогаль, 2021

© Екатерина Трунова, 2021

© Александра Фёдорова, 2021

© Мария Фрейя, 2021

© Дарья Гайдай, 2021

© Евгения Болдырева @evgeniya.boldyreva, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0053-3793-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дарья Гайдай (@ptaha.daha)

Про моду

Мы все чего-то ждём.

*Сбычи загаданных и незагаданных мечт,
первого сплава весной,
кто-то первого поцелуя.*

Переезда, отпуска, солнца из-за тучек.

Восторженных глаз, издания книги.

Похода в кино, охапки цветов.

Признания, ласки, любви без понтов.

*Кофе в постель, секса в машине,
кому-то просто ключей от машины.*

Жаждем рассвета, пылаем в закате.

Хочется в воздухе, в море, на хате...

В восемь лет на багажнике «Камы» я мечтала об отмене занятий по фортепиано, сольфеджио и бальным танцам.

В 13 мечтала щеголять на шпильках, в мини юбке и шипованой косухе с длинными кистями по плечам. И чтоб на фейсе боевой раскрас в стиле восьмидесятых...

Вообще, детство такая классная штука.

Там можно просто прыгать по лужам без зубов, мечтать о косухе и жить исключительно в настоящем. Удивительно. О прошлом в юности не вспоминаешь, а что его вспоминать. Оно было-то вот недавно. О будущем не думаешь. Что о нём думать:

В тридцать буду важной тёткой в юбке – карандаш, белой блузке и в очках. А в сорок наступит старость.

Тогда мне почему-то казалось, что к сорока у женщины уже никаких шансов.

А теперь ты нашла себя. Друг друга не узнали. Такая взрослая.. сорок лет в теле женщины и без косухи.

Пойду. Куплю, пожалуй. И шпильки, или.. казаки. Лучше казаки. Говорят, этой весной они снова в моде.

Две души

*как долго я тебя ждала.
такого как я и как не я несомненно.
ты восхищённо смотрел на меня.
ты учил бы меня. Откровенно.*

*ты любил бы мой кофе, иль не любил.
и ложился бы спать одновременно.
условности и нелепости ты бы простил
и даже обиды, наверно.*

*ты б устроил со мной тараканьи бега,
их в загашинике твоём, как в моём, полно
тоже.*

* * *

*вам до сих пор не понять, о чём я?
просто вы на секунду моложе.*

*вот есть он иль она.
и у них также свои заморочки.
а теперь представляйте:
сейчас вы друзья. И нет между вами
ни строчки.
все сомненья пусты. Не стыдитесь*

признаться.

*и не надо в кусты вам опять забиваться.
закрывать на замок свой мир
в коробчонке,
и таить между строк свою душу
девчонкой.*

*и вам сразу плевать что пьёт чёрный
он кофе,
вам бы петь, танцевать... позабыв
о цейтноте.
вам болтать бы всю ночь, без утайки
и прятков.
вам скелетов в шкафу не хотелось бы
прятать.*

*вам ложиться бы в десять, а ему только
в два..
да какая блин разница, если жива
ваша тонкая связь, что вовек
не порваться,
где бы страстью от встреч вам
не надыхаться.*

*берегите его иль её, я не знаю.
берегите того, кто душу свою
открывает.*

Отражение весны

Пошли на кухню. Пошли – пошли. Чай стынет.

Впрочем, нафига нам чай. Мы, хоть и с проседью, но ещё можем налить себе бокальчик сухого.., да чё уж там, давай вискаря?!

Дааа, поизносились ты, подруга.

Вот гляжусь в тебя, как в зеркало, сидишь. Моль серая. Пакли распустила, носом сейчас в ламинат свой дорогуший уткнёшься.

А где, кстати, этот, твой, ламинатоукладыватель? С друзьями? Кого укладывать пошел?

Да, хрен с ним. Зато не сифонит.

Весна скоро..

Юбочки, цветочки..

Помнишь, как щеголяли?

Ох, и ножки у нас с тобой были... Так мы твоего ими и подцепили. Запнулись, блин. Перешагивать надо было!

Ой, а помнишь как бессовестно кружевным бельём в его машине сверкали? Ты – на заднем сидении, я – в зеркале заднего вида. А он ведь, зараза такая, на нас обеих заглядывался!

Мм... щас бы повторить...

Ты чё молчишь? Забыла что-ли? Или.., может, погрузилась уже в воспоминания..?

Ой, а помнишь наш первый эротический танец? Такой робкий и несмелый стриптизик. Мы тогда так краснели с тобой. Постоянно свет выключали и врубали Металлику. Металлика не помогала, конечно, но мы ж не сдаёмся. Да и ему нравилось. до сих пор же вспоминает.

* * *

Ой! А знаешь, что?

Станцуй-ка снова. Сегодня. Как только придёт.

Что скрипит? Потёртое седло? А мы Металлику врубим, погромче, костей слышно не будет.

Не видишь ничего? Да выбрось ты эти чертовы очки! Никогда они мне не нравились. Plusовые ещё..испугать нашего мужчинку ж можно, простигосподи.

Ну всё, давай, готовься, плечи расправь. Шею найди.

И, да, зубы сегодня в стакан не выкладывай. В себе оставь.

Ножки надо будет нарядить в чулочки и каблучки.

То есть как на каблуках стоять не можешь?! И чё мне теперь за тебя позориться?

Давай отрепетируем.

Надела?

Ну всё, пошла теперь сама, пошла!

Лёгкой походкой от бедра. железного.

Ой, дорогая моя, страсть божия!

На вот, наручники ещё возьми.

Что зачем? Бойфренда нашего пристегни, шоб не сбежал.
Раньше времени.

И пусть сегодня всё у вас получится! И у меня заодно.

Про зеркало только не забудь.

Я все могу

*давай общаться до усталости,
до глубины сознания.
давай проговорим всю ночь
о твоём мироздании.
давай, расскажи точь-в-точь:
что любишь, о чём ты брезгуешь.
давай, подарю тебе ночь,
а хочешь, пособлезную.
давай будем слёзы лить,
никого не стесняясь, матом ругаться.
давай, никого не любить..
давай, кем-то вовсю восхищаться.
будем с тобою посуду бить?
а давай! а потом прибираться.
утром упасть в сладкий сон,
перед сном в ванной плескаться.
после – сидеть на полу,
ржать до одури...*

* * *

*знаешь, я много смогу,
если не одинокий я.*

Ксения Кебрà (@ladyksenya_films)

Держи меня в своих руках (мужу)

*Держи меня в своих руках.
Не смей так просто отпустить.
Обнажена. В рубцах. В слезах.
Не уставай меня любить.*

*Легко, как карандаш рисуя.
И страстно, чтоб оставить след.
Чтоб больно, крепко и тоскую
И так, что сил совсем уж нет.*

*С боязнью, словно нить стекла.
Как каплю первую тепла.
Так жадно, будто хочешь выпить
Одну один и всю до дна.*

*Я буду слушать и внимать,
Молчать, томить, сжимать, вдыхать.
И так отчаянно любить,
Что не посмеешь отпустить.*

Держи меня в своих руках.

*Не смей так просто отпустить.
Пожалуйста, держи! Держи!
Так только я могу любить...*

Ненавистный февраль

Этот ненавистный февраль. Он закончится?

Она постояла у замерзшего стекла. Дует. Завывает. Снова. Прописавшаяся здесь уже бессовестно давно и надоевшая до тошноты, тоска, снова как в тиски, сдавила уставшую грудь. Она задернула тяжёлые шторы. С силой улыбнулась и подошла к детям.

Дети в пижамах ждали её в кровати, зарывшись все вместе под одно большое и тёплое одеяло. Им ужасно не терпелось, чтобы мама поскорее включила, как и каждый вечер, многометровую гирлянду из крупных круглых цветных ламп, растянула аккуратно по периметру кровати так, чтобы получился мерцающий сказочный островок, забралась к ним под одеяло и начала читать. Они очень любили, когда мама читает им вслух перед сном. И папа любил. Может и сейчас любит. Скучает? Только где? И когда вернётся?

А вернётся?

Дети так крепко облепили мать, что Она едва могла сделать вдох и начать.

Сегодня они читают непростую историю. Но со счастливым концом. Совершенно счастливым. Ведь так бывает – случается, что самые непростые и безнадёжные истории заканчиваются счастливо? То есть – продолжаются. Счастливо.

«Слониха, которая упала с неба». В красивой синей обложке с плотными мелованными страницами и глубокими рассказывающими картинками. Она читала тихо и певуче, как будто пела колыбельную. Про многое. Про любовь, про её силу, ... и про чудо.

– Вот видишь, мамочка, – уже совсем засыпая, сказала дочка, – как бывает хорошо. Так бывает.

– Конечно, зайка, конечно. – Она закрыла книгу, поправила одеяло. Провела с особенной нежностью по волосам каждого. Прижалась губами ко лбам. Нехотя встала. Погасила гирлянду.

Вот сейчас она спустится на кухню, нальет в бокал остатки красного сухого со слишком смелыми, сводящими скулы танинами, с щедрым терпким вкусом усталости, с горечью боли, страха и с длительным послевкусием одиночества. Подойдет к окну. А там ненавистный февраль с ошалевшими выюгами, снежностью, плохой видимостью и непреодолимой непроходимостью... Страдающий бешенством ветер с какой-то особенной безжалостностью, как по чьему-то злому сценарию разбушует перед самым её окнами, будет пугающе выть и стараться оставить дом без крыши. Найдёт самые ничтожные щели в углах и стенах раненого дома, проберётся и заполнит все комнаты пробирающим, продирающим холодом и ледящим страхом...

После некоторых мучительных минут, а может и часов, не в силах дальше смотреть на чересчур драматичный, от-

вратительный спектакль, она подойдёт к камину, который давно уже нечем топить, но который все ещё преданно хранит тепло счастливой, когда-то ушедшей вечности. Завернётся в черничную шаль. Сядет, прислонившись спиной к стене, устало обхватит колени, закроет глаза и унесётся в долгие месяцы назад, когда вместо гула обжигающего сквозняка, комнаты были наполнены едва уловимым шумом тихого беззаботного счастья, вместо терпкого и отдающего горечью сухого, в бокале играло звонкое и хрустящее шампанское, в камине каждый вечер горел огонь и потрескивали хорошо просушенные поленья, сама дровница отдавала идеальностью. А вместо жалкой тоски, грудь сжимали сильные крепкие руки. Без которых она погибает... Каждый день.

Завыла тихо, совсем беззвучно, фальцетом. Пролив все, что нельзя пролить днём. И уснула. К счастью, бессонница сжалилась.

А ближе к утру, она проснулась от обжигающих капель, что падали на её измученное слезами и все ещё влажное лицо, от отдающих болью поцелуев, и не дающих вдохнуть объятий.

– Не может быть? Ты? Вернулся?

– Я...

С ароматом сирени

– Нееееет, нет, нет, нет!

– Ну, ты что, совсем ослеп? Кретин! – срывая голос от разочарования и собравшихся вот-вот хлынуть слез, прокричала Ева в след проревевшему мимо мотоциклу.

Она стояла на самом краю бордюра, почти на дороге, в платье из белого кружева. Ветер торопился за ней и волновал кружевные узоры, аккуратно обнажая её тонкие щиколотки. Она не могла дождаться зелёного сигнала светофора, чтобы вспорхнуть в

объятья самого Счастья! Как из-за угла выскочил какой-то лихач на Харлее, резво пронёсся по, ей-богу, единственной луже в городе и окатил Еву грязью. С ног до головы.

Извинительно заикаясь, просигналил два раза, махнул махровыми шапками розовой сирени, сверкнул бликами от бокового зеркала и растворился в глубине улицы, подсвеченной солнцем. Как в кино.

– Эээй! Это ты так извинился? У меня же свидание! Черт возьми. Свидание! Я, может быть, всю жизнь его ждала... И что прикажешь мне теперь делать? – тихо, в никуда, глотая обиду и бессилие.

Она постояла ещё какое-то время вот так, в платье в грязный горошек. Потом села прямо на бордюр. Перед этой ду-

рацкой лужей. Все равно платье не испортить больше, чем оно испорчено. И не знала, как быть.

– Единственная лужа в городе, и она – моя! Класс! – обхватила Ева колени и засобиралась, было, зареветь. Но вдруг подумала, что все не так уж и плохо, если приглядеться.

– Правда же? Бывает ведь и хуже? – она просто напишет Максу, что немного опоздает. Переоденется, только пока не знает, как и во что, он конечно все поймёт и подождет. И всё! И всё будет хА-рА-шо! Гениально.

– Ева? Привет! Ты чего здесь? Ко мне на кофе? – громко и настойчиво бросилась обниматься подруга Катя. А Ева от неожиданности и уровня децибелов звонкоголосья Кати уронила телефон. В лужу. Прямо в лужу.

– Ну что ещё со мной должно сегодня случиться? А? – бросила Ева вопрос куда-то высоко вверх.

– Ой... Прости. Доставай скорее. Только не включай, может, высохнет и ничего? – переживала подруга.

– А почему ты в платье далматинца?

– Ты думаешь, это очень забавно, да? Готовлюсь к маскараду. Очевидно же? – зло ответила Ева.

Катя поняла – случилось что-то очень серьёзное, но не поняла что.

– Меня окатил какой-то придурок из этой вот лужи. Безнадёжно испорчено любимое платье. Накрылась свидание, которого, я ждала, может быть, целую вечность. Я наверня-

ка потеряла Макса = Любовь, возможно, всей своей жизни и утопила телефон! Ну, класс же!

– Нннда. Идём, я кофеварю сегодня. Сварю лавандовый, как ты любишь.

– Два!

И они пошли в кофейню за углом. С самыми большими окнами – витринами. С лучшим лавандовым капучино, торсадом с шоколадом, видом на самую атмосферную улицу города. Особенно весной. И лучшей подругой Евы.

Ева села за вытянутый стол перед окном, чтобы наблюдать за неспешащим выходным городом. На улице почти никого. Можно сказать только солнце, потёкшие акварелью облака, тёплый ветер, и раскрывающаяся сирень, которая бесцеремонно и настойчиво лезет в окна так, что её аромат проникает через стекла. Так она, Ева, чувствовала.

– Ну, рассказывай, что за Макс?

– Макс и Макс.

– Кто он? Красавчик?

– Не знаю. Скорее всего. Только есть ли разница? Теперь.

– В смысле? Так ты его не видела?

– Не-а. И он меня.

– Совсем?

– Совсем. Мы переписывались по мейлу. По старинке, знаешь ли.

– Ты ненормальная.

– Вовсе нет. В этом есть свое очарование. И больше шан-

сов разглядеть главное.

– Какое очарование? А чем он занимается? А если он...?

– Можешь просто сделать кофе, а?

Пока подруга покорно готовила обещанный капучино в почти пустой кофейне, рядом с Евой шумно и нервно устроился парень. Как будто это было единственное свободное место. И грубо брякнул на стол уже мелькнувший сегодня букет розовой сирени.

Узнав букет, Ева стала задыхаться от злости.

– Ооо! Знакомый букетик! Эй, ты! Гад! – дерзко и неожиданно для себя нагрубил Ева незнакомцу. И тут же прошептала про себя и для себя – Поверить не могу, что это я!

– Я?

– Ты.

– Что? Что такое несёшь?

– Ты так спешил на своём Харлее с веником в зубах, что не смотрел куда едешь и окатил меня грязью. Как тебе? А сейчас ещё и нагло уселся рядом, как будто больше нет свободных мест.

Парень посмотрел на Еву. И понял о чем речь.

– Извини, я спешил. Да. И не успел. Среагировать. Скорость. – ответил он и был явно расстроен.

– Что, букетик не пригодился? – с острым желанием задеть и даже что-нибудь испортить, хотя бы настроение, продолжала Ева.

– З-злорадство? Нет, не пригодился.

– Вот так тебе и нужно.

– Знаешь...

– Нет, и не хочу. Посмотри на мое платье! Как мне его теперь носить?

– Ну, можно подумать, что это крутой дизайнерский ход.

– Думаешь, остроумно?

– Не очень.

– Из-за тебя я пропустила очень важную встречу.

– А меня бросила девушка.

– Найдёшь ещё.

– Это вряд ли. Настолько близкого по духу человека можно встретить лишь однажды. Второй раз так не везёт.

– Нет, нет, нет, не нужно откровений. Мне совершенно не интересно. НЕ ИН-ТЕ-РЕС-НО.

– Мы с ней так похожи – музыка, книги, кино, еда, нам нравятся...

– Ла-ла-ла-ла, – стала нервно напевать Ева.

– И все же почему девушка может поступить вот так? Просто не прийти? Можно же сказать, что передумала, не нравится, есть другой, или найти ещё сотню причин? Но она смело решает спрятаться и отключить телефон! Чтобы парень поломал голову вопросами отчего и почему? Что за психология такая?

– Ну например потому, что по пути, какой-то придурок на байке с розовым букетом, проезжает резво по луже, окатывает её грязью с головы до ног, и она роняет телефон в лу-

жу...

* * *

– Ева?

– Ева. Что? Макс? Не может быть?

– Я в кино? – Катя наблюдала за происходящим с капучино в руках и с широко раскрытыми глазами.

– И льешь мой лавандовый капучино на пол, – ещё не успев опомниться, засмеялась Ева.

Мечта длиной в 30 лет

– О Боже, как страшно, страшно, страшно!

Парочка каких-то минут, и она выйдет на сцену. Такая Красивая. Немного взволнованная или даже испуганная. Хоть и взрослая! И не до конца понимающая, что вот сейчас она исполнит мечту одной маленькой голубоглазой девчонки. И будет петь.

И будет петь?

– Чёрт.

Руст обнял её и сказал, что, конечно же, она справится. Тут и Янка приехала с цветами. Дети носились по Мюзик-холлу, и очень может быть вели себя так, что, кстати, было бы раскраснеться и спрятаться, или притвориться не их матерью.

– Я обязательно наваляю. Вот увидишь. Забуду слова и... вообще все на свете. Всё, что Леся так старательно вложила. И что не вложила – тоже.

– А может просто убежать? Вот так вот взять и смыться, а?

– По-взрослому, молодец.

– Тебе смешно, да?

– Да.

– И с песней я конечно смело погорячилась. Как это мне могло прийти в голову петь Адель? Напомни. Не знаешь? Мне, которой медведь когда-то по ушам прошёлся?

– Да ладно тебе.

– Я все ещё вижу её, понимаешь? – сделала Ксюша большой жадный глоток. – Эту девчонку с голубыми распахнутыми глазищами, улыбкой на пол лица. Худенькие смешные косички с вплетенными несуразными огромными бантами едва дотягиваются до плеч. В коричневом платье с ажурным воротничком – стоечкой и плиссированной юбочкой из тонкой шерсти. Такой модной формы больше ни у кого не было в 1 Б. Да вообще ни у кого. Настоящая и все ещё неразгаданная тайна удивительных 90-х – как маме удалось раздобыть такую роскошную форму?

– И вот, знаешь, идёт Ксюша по улице с мамой за ручку. Вприпрыжку, терпения-то нет. Напевают что-то вместе. Глаза поблескивают мечтой. Идут в музыкальную школу. Поступить. Ксюшка же вчера решила стать певицей. До вчерашнего дня половину своей 7 – летней жизни мечтала продавать разноцветное мороженое и дарить людям цветное счастье. А тут мама принесла домой какую-то старую пластинку в потрепанной, потрескавшейся картонке, со странными, полустертыми, буквами и с совершенно невероятными пронзающими, звучащими в животе голосами, и всё! Мороженое забыто навсегда. Теперь только петь, и чтобы вот так как эти женщины с пластинки – чтобы все кругом замирало, забывалось, останавливалось, чтобы только голос и музыка звучали в каждой клеточке каждого слышащего. И на сцене, чтобы видеть.

Ксюша рассказала маме. И вот они уже на крыльце музыкальной школы. Ксюшка такая счастливая. Ни волнений, ни сомнений. Смело шагнула вперёд мечте. С внутренним миром нараспашку. Ей тогда и в голову прийти не могло...

– Нет. Вашей Ксюше медведь на ухо наступил, не сможет она петь. Ни слуха, ни голоса. Попробуйтесь в чем-то ещё.

Вот так, через приоткрытую зачем-то дверь, сотрясающий звонкостью и категоричностью голос быстро и грубо вернул семилетнюю Ксюшку к мыслям о разноцветном мороженом.

Тогда, 30 лет назад, Ксюша не стала спрашивать у мамы, что это за медведь такой, который безжалостно топчет детские уши. И мечты.

А вот сейчас, через несколько минут, она отважится сказать медведю, что плохо тот шагает по ушам. Плохо! И пронзительному голосу из прошлого – твёрдо вернёт громкое грубое с горчинкой «НЕТ».

– Лучше все же упасть в обморок. И хорошо бы сейчас, а не на сцене, да?

– Тогда давай быстрее, – рассмеялся Руст.

– А сейчас нам споёт...

– Чёрт. Не успела.

* * *

– Ну! У тебя же получилось!

– Да, черт возьми. Получилось! С забытыми напутствия-

ми, но, к счастью, не забытыми словами. С неточными нотами, но с по-настоящему пережитыми эмоциями. С пересохшим горлом и невозможностью ни вдохнуть, ни выдохнуть... Но с таким сладким чувством исполненной мечты маленькой девочки с голубыми глазами и смешными косичками.

– Ну что, когда там следующий концерт?

Яна Кучеренко

И больше ничего

– Оленька, ведь еще Екклезиаст говорил...

За окном разрезает черноту тополиных ветвей и разливаются в первых лужах весеннее солнце. Слова вытекают через щель в раме и, шлепаясь на землю, будто сонные после зимы мухи, остаются лежать на влажных земляных прогалинах.

«Ведь Бог есть любовь и больше ничего...»

Очки сползают на нос, и кабинет расплывается мутным, голубоватым в цвет обоев пятном. Над макушкой Лени скачет по стене солнечный зайчик с проплешиной глянцевого обойного пиона.

Леня вдруг смотрит строго и прямо, очки вздрагивают и водружаются на место.

– Но это в православии. А в исламе бог есть справедливость... – сурово продолжает свой рассказ Леня.

За окном мелькает угольный грач.

«Удивительно», – думает Оленька, – «грачи на вредном производстве...»

– Ворожба и привороты действуют, конечно. Но частично...

Очки снова предательски съезжают на кончик веснушча-

того носа, Оленька хмурится и рассеянно блуждает взглядом от Лени к окну. «Приехали. Двигатели строит для ракет, а все в привороты верит...»

От неожиданно налетевшего ветерка у Лени вдруг захватывает дух. Он судорожно вздыхает, отмечая про себя принесенную с улицы сладкую свежесть, какая бывает только весной. Оля заворуженно ловит глазами парящие в воздухе пылинки вдруг думает: «И впрямь, ворожит...»

Леня тоскливо смотрит на скучающую Оленьку, которая вдруг резко прерывает повисшую между ними немоту и пронзительно кидает ему прямо в лицо:

– Леонид Георгиевич, что же Вы все сидите здесь?

Леня замирает и испуганно моргает ресницами, настолько длинными, что их трепетание, кажется, заканчивается где-то на покрасневшихся щеках, а Оля думает: «Не ресницы, а самолетное крыло...»

– Так ведь это мой кабинет, Ольга Михайловна...

Ольга Михайловна сердито взбрыкивает подбородком, и Леня начинает торопливо рубить слова:

– Оленька, я так думаю: у Бога есть двери, и они закрыты, и человек пробует к замкам разные ключи подобрать, и, если получается открыть, человек либо начинает сложный путь вверх, либо стремительно скатывается вниз...

Суженные и внимательные Оленькины глаза расслабляются и принимают обычный, коровий почти размер, а выражение их невинно-прозорливое заставляет бедного Леню ве-

рять, что привороты, конечно, действуют. Хотя и частично.

* * *

Закат обагрят крыши и деревья, лениво расплескавшие вокруг свои тени.

Оленька мечтательно глазела на редкие, полупрозрачные облака и подставляла догорающему свету веснушчатое лицо. Ленечка, изредка и неуверенно шаркая и словно пугаясь собственной неуклюжести и, как ему казалось, подступающей старости, обеспокоенно поглядывал краем глаза на Оленьку, которая продолжала свое царственное шествие.

Они расстались, как и всегда бывало, на станции метро, разойдясь по поездкам, стремящимся в противоположные стороны.

Когда вагоны поглотила тоннельная тьма, и мерное постукивание укачало уставшее сознание, Оленька думала о том, какой все-таки умный и смешной этот Леня, и как уверенно он станет завтра на совещании Леонидом Георгиевичем (куда он конечно же пригласит и ее – «Хоть на людей грамотных, Оля, посмотришь! Где ты их в свои 27-то видела!»), и как внимательно его будут слушать. И как хорошо, если завтра с утра все же случится обещаемый синоптиками дождь, и она отчитает Леню за то, что тот снова без зонтика, но одолжит свой и позволит проводить ее до работы под мерный гул чепухи о боге, дьяволе, приворотах и ворожеях...

К Леониду Георгиевичу в вагоне подсел коллега из смежного отдела и забубнил про камеры сгорания, про недостаточную загрузку одних стенов и переагруженность вторых... Леня отвечал что-то, коллега кивал с важным видом и даже бросился что-то записывать...

Уже дома Леня долго вглядывался в темноту оконного прогала, и там, в ночной тишине, он снова был молод: вот они со студенческой группой в Крыму, покоряют Ай-Петри, вот он, поправляя заметно поредевший теперь, но тогда еще буйный вихор, что-то быстро чиркает за начальником цеха, вот он провожает взглядом золотящуюся в закатных солнечных лучах кудрявую голову – «Леонид Георгиевич, не отставайте, а то поезд отправляется со второй платформы!» – и ускоряет шаг под звонкую капель смеха.

Перепись весны

Здравствуй, мой дорогой друг.

Я долго собиралась с духом, прежде чем начать писать. Стояла у окна и смотрела, как птиц сносило порывами ветра. Я люблю февраль за его злые метели. И, кажется, люблю тебя.

Постой, не спеши откладывать письмо! Обещаю, что словечка больше не скажу о своей любви, пока ты наконец не прочитаешь ту книгу, что я дала тебе, и не научишься понимать меня правильно.

Мы с тобой так давно не говорили, все же глупо, что мы поссорились. Но теперь кажется, что между нами пролегла такая пропасть молчания, что мне страшно заговорить первой. Кажется, будто я открою рот, а оттуда вырвется только дыхание немоты. Но бумага стерпит ритмы сбивчивого сердца.

Сейчас, по прошествии какого-то времени, во мне больше нет обид. Я даже понимаю, почему ты решил не говорить мне, что уезжаешь (но мне по-прежнему неясно, почему об этом знали буквально все, кроме меня? С каких пор наши общие знакомые так берегут мои чувства? И как я сама не догадалась?)

Помнишь, как ты позвонил мне первый раз? Это было месяца через три после нашего знакомства, и к тому времени

я уже перестала ждать твоего звонка. Поэтому когда я взяла трубку, я сначала не узнала твой голос, а когда узнала – впала в ступор. И ты несколько минут сначала недовольно, а потом встревоженно кричал в трубку: «Алло?!»

Иногда так отчаянно чего-то хочешь, а когда наконец получаешь – понимаешь, что ты к этому не готов. Я отчаянно хотела нам общей судьбы, но не была готова к испытанию тобой. Я училась понимать тебя, училась с тобой дружить на ходу.

Мне казалось, что надо запомнить, как правильно тебе отвечать, как правильно на тебя реагировать, но пока я ориентировалась на словари, ты пропадал на улице с другими ребятами и прятался от меня в спортивном зале. А потом, расписавшись в собственном бессилии, я начала отвечать и реагировать так, как считала нужным (даже если тебе это не нравилось так же сильно, как и искусственные заученные фразы). Когда не сосредотачиваешься, делаешь ли ты правильно, получается лучше всего. Ты впускаешь в себя жизнь и сам становишься ею, а значит, и ты, и все происходящее вокруг – совершенно. Вот тогда-то мы и стали друзьями.

Помнишь, как однажды я взяла трубку, а там был только твой счастливый смех. И я все слушала его, и мне казалось, что я обернусь и увижу тебя, и оттого, что это было бы не так, я не оборачивалась. Все стояла и слушала. Потом ты еще спросил: «Ты ведь еще здесь?» И я ответила: «Я всегда здесь». И ты засмеялся снова.

Ты знаешь, что киви стал синтезировать дневную норму витамина С после двух удвоений генома, которые произошли пятьдесят семь и двадцать миллионов лет назад? Киви такие старые! Прямо как наша память друг о друге.

Помнишь, когда у меня был сильный грипп, ты звонил и каждый вечер пел мне колыбельные? Когда я засыпала, ты сразу клал трубку? Я знаю, что нет. Однажды, когда жара уже не было, я только притворилась, что уснула. Я старательно сопела, пока ты продолжал шептать всякие глупости и желать мне спокойной ночи.

Порой кажется, будто слышишь тихий голос вселенной. Или это она сама говорит в нас? Мы – только радиоприемники, которым посчастливилось поймать нужную волну, или мы – радиоведущие, решающие, когда говорить, а когда – пускать вселенную в эфир? Может, именно поэтому больше всего преданных слушателей у тех, кто молчит?

Помнишь, как мы однажды танцевали посреди улицы? Из открытых окон какого-то кафе доносились звуки рок-н-ролла, ты поманил меня пальцем, и казалось, что вся улица закружилась вместе с нами. Мы сбежали тогда от удивленных прохожих, и в груди была какая-то хрустальная уверенность: все лучшее происходит прямо сейчас. И оттого, что настоящее – только миг, я почти не дышала, чтобы это хрупкое ощущение не разбить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.